

Глава 7

О партии

Скажу сразу: датой, с которой демократию в России беззастенчиво, ни от кого не скрывая, начали убивать, считаю 6 ноября 1991 года. В этот день «самый демократический» Президент в мире подписал Указ о запрещении на территории республики Коммунистической партии. Невольно напрашиваются слишком, к сожалению, прозрачные аналогии с действиями властей в Италии или Германии в 30-х годах, где официально загоняли коммунистов в подполье.

Мне могут возразить, что партия была атакована двумя с половиной месяцами ранее, когда ее деятельность тот же человек «для разрядки» приостановил на сессии Верховного Совета республики. И немедленно следом толпы «неореволюционеров», только-только выбросивших партийные билеты, начали растаскивать ее имущество.

23 августа на «трибуне позора» в Верховном Совете России униженный президент СССР, только что привезенный из форосского 72-часового «заключения», еще странно отстаивал идеи социализма и свою веру в реформированную партию. А на следующий же день он сложил с себя обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС. В заявлении по этому поводу он путанно говорил о своей обязанности защитить коммунистов как граждан страны от необоснованных обвинений и в этой связи о самороспуске партии.

Круг замкнулся. Рано или поздно это должно было произойти — пути Горбачева и партии должны были разойтись. Но до сих пор остается загадкой, почему его рекомендации Центральному Комитету о роспуске партии многие восприняли как уже свершившийся факт. Думаю, что подсознательно сработала воспитанная десятилетиями

вера в безусловную правильность действий ее лидера — Генерального секретаря.

Это были дни пьянящей эйфории у победителей и тех, кто всегда стремительно примазывается к ним, к власти — какой бы она ни являлась. Собственные убеждения у приспособленцев всегда начисто отсутствуют. Счастливые победители, всерьез считающие себя единственными в стране демократами, должны были упавшую им в руки власть употребить. Поручить столь же демократической прокуратуре начать следствие против тех, кто — как они считали — за семьдесят лет привел страну к унижительному и нищенскому существованию. Ведь именно «демократы» начали благороднейшую борьбу с беззаконием, за построение в стране истинно правового общества!

Но взамен родился абсолютно незаконный и антидемократический Указ о запрете партии. Всей партии! Десять миллионов коммунистов оказались вне закона. Пожалуй, редкая из газет в то время удержалась, чтоб не обозвать этот Указ подарком Ельцина поверженным коммунистам к их празднику. Они, правда, забыли, что в течение многих десятилетий это был самый главный праздник государства, всего народа.

Как известно, я не юрист по образованию, но многолетняя работа в хозяйственных и государственных органах заставила меня разбираться в основах этой ныне модной науки. Я хочу остановиться на правовых мотивах скоропалительного указотворчества Президента России.

Допустим, что сама партия, — а я здесь употребляю те формулировки, которые гуляют по документам и газетным публикациям, — и только партия виновата в бедах и пагубах народа и страны. Допустим, что она семьдесят с лишним лет грабила, грабила, грабила, что все это понимали и терпели. Но со времен Древнего Рима выражение «все это понимали» не считается доказательством. Партия грабила? Ее имущество ворованное? А как насчет презумпции невиновности? Не партии следует доказывать, что она невиновна, а тем, кто ее обвиняет. Докажите. Поднимите документы — с самых первых дней!

Позвольте, яростно скажут мне, да неужели вы сами не назовете десятки, сотни, тысячи преступлений, творившихся от имени партии?! Назову. Увы — легко. Первые, пришедшие на ум: расстрел царской семьи, массовое раскулачивание, жестокое «рассказачивание», цинично инсценированные политические процессы 30-х и более поздних годов,

переполненные лагеря, глумление над советскими воинами, попавшими в плен, гонение на интеллигенцию...

Но ответьте, юристы, если вы — юристы, а не политики: разве можно эти преступления отнести именно к партии? Нет, в каждом отдельном случае преступления совершали конкретные лица — пусть даже лидеры РКП/б/—ВКП/б/—КПСС, но — с именами, фамилиями, должностями.

Уголовная ответственность строго индивидуальна, это знает любой мало-мальски грамотный юрист. Если уж решено объявить, что ответственность за преступления несет целая организация, то следует доказать, что все ее члены виновны в их совершении. В нашем случае — все девятнадцать миллионов. Так по закону. А на деле?

Все, что я здесь написал, элементарно и известно каждому, кто в своей профессиональной деятельности сталкивался с вопросами государства и права.

Так вот, если бы все делалось по закону, то заняло бы, полагаю, очень много времени. Что и подтвердилось потом, через год, на Конституционном суде по «делу о КПСС». Да и с лидерами августовской попытки «переворота» вот как вышло: думали, раз — и приговор, по-революционному суровый. Ведь выступил же в те дни господин Силаев, премьер-министр России, с предложением расстрелять виновников «августа» как преступников. В верноподданническом экстазе или с перепугу, что ли?! Но как бы тогда выглядели наши «демократы» в глазах страны и мира? Пришлось все-таки завести следствие, адвокатов к нему подключить... И всего-то с десятков обвиняемых. А здесь — девятнадцать миллионов!

Нет, не мог Президент России и стоящие за ним персонажи дать партии столько времени, сохранить за ней столько полагающихся по закону прав, чтобы она смогла к защите подготовиться. Что революционное, что контрреволюционное сознание помутилось на одном и том же — на полном, открытом и массовом беззаконии и циничном попрании самых элементарных норм общечеловеческой морали. С этим, мне думается, разобрались.

К сожалению, принцип «революционной целесообразности», всегда выступавший как прикрытие абсолютного беззакония, господствует и в «демократические» времена. Тот, кто уничтожил КПСС росчерком пера, вступил в нее тридцатилетним человеком, и, как он пишет в своей книге — «исповеди», искренне верил «в идеалы справедливости, которые несет партия». Было это в 61-м, а с 68-го Б. Н. Ель-

цин — на партийной работе, где прошел все ступеньки, начиная от заведующего отделом Свердловского обкома до кандидата в члены Политбюро.

В октябре 1987 года открылся Пленум ЦК, который стал исходным пунктом дальнейших демократических изменений в жизни партии. Об этом Пленуме немало сказано и написано. К тому времени Ельцин уже почти два года проработал в должности первого секретаря Московского горкома КПСС.

О нем сложилось довольно противоречивое мнение. Многие обратили внимание на радикализм в действиях, особенно в кадровых вопросах, и вместе с тем отсутствие интереса к повседневной, будничной работе. При всей правильности самой постановки вопроса о необходимости борьбы с привилегиями, многие из которых действительно стали у народа бельмом на глазу, настораживали разухабистость его заявлений, от которых за версту несло явной саморекламой, и газетная трескотня вокруг него. Но тем не менее Правительство и, насколько мне известно, ЦК поддерживали его в решении жизненно важных для столицы вопросов.

В начале Пленума Ельцин попросил слово для выступления. Оно оказалось резким и не очень уместным (он, кстати, с последним в своей книге соглашается). Горбачев вынужден был зачитать его личное письмо, о котором даже члены Политбюро узнали только в этот момент. Бурное обсуждение и абсолютно бессмысленное избивание «ослушника» дало обратный эффект: как водится на Руси, возник миф о народном герое — гонимом «защитнике угнетенных».

Естественно, возникает вопрос, как выступление Бориса Николаевича, неглубокое, имевшее явный привкус личного характера, могло вызвать такую реакцию? Этот феномен нельзя рассматривать в отрыве от реального положения, сложившегося в партии и стране.

В это время эволюционные преобразования в политике и в экономике постепенно переходили в радикальную плоскость. В связи с этим наметились серьезные разногласия в партии, началось, еще глухое, оппозиционное движение внутри и вне ее, которое и подхватило диссидентствующего лидера.

Потом, в 1988 году, была XIX партийная конференция, на которой Ельцин выступил хотя и не очень красноречиво, но на этот раз по делу. Если бы к нему тогда прислушались, может, и события в стране во многом пошли бы по-другому: Ельцин считал, что, начав перестройку, сама партия без-

надежно и опасно отстает от событий. В финале же он униженно попросил «политической реабилитации». Иными словами — прощения. Однако большинство выступавших затем ораторов, думаю, не без подсказки Генерального и его присных, с привычным пафосом клеймили Ельцина, и в итоге вопрос о реабилитации тихо-тихо сошел на нет. Орел гонимого народного героя вокруг него засиял еще ярче. Спустя короткое время он с гигантским отрывом от конкурента выиграл предвыборную гонку и стал народным депутатом, несмотря на совершенно глупейшие титанические усилия ему помешать. А ведь прости его конференция, может, и мешать-то не надо было. Более того, если учесть нашу российскую психологию, эта ситуация еще раз прямо помогла ему победить на выборах.

Я не о тактике «верхов» веду речь — верная она или ошибочная. Собственно, здесь ответ может быть только один: до идиотизма бездарная. К сожалению, сам Ельцин ничем от своих тогдашних «врагов» не отличался и даже написал в своей книге: «Я воспитан этой системой». Так это, могу подтвердить: я с ним еще по Свердловску знаком. И когда пришел срок, он попросту свел счеты со своими обидчиками, запретив партию и тем отняв у них должности, зарплату, кабинеты, машины, правительственные телефоны. То есть внешние атрибуты власти. Он ведь, Робин Гуд наш доморощенный, с партийной верхушкой сражался, которая его прилюдно секла. И победил. И унизил ее со вкусом и смаком. А то, что девятнадцать миллионов заодно в грязь положил, — это мелочи! А то, что законы поправил, — пустяки! Сейчас — он хозяин России, о чем, не стесняясь, прилюдно не раз объявлял...

Двадцать лет в аппарате партии — это огромная ломка характера. Я не знаю ни одного партийного функционера, на котором так или иначе не сказалось бы пребывание у власти. Она часто уродует души, убивает веру, идеалы, надежды. Если я еще могу поверить, что Ельцин «искренне вступал в партию» (его слова), то в искренность его картинного ухода из нее не верю. Потому что уйти — значит измениться, по-другому думать и действовать. А что изменилось в управлении нашей расколотой державой со смертью партии и воцарением у власти «демократов»? В лучшую сторону — ровным счетом ничего.

Такая же тупая, примитивная борьба с инакомыслием: гэкачеписты прикрыли «Куранты» и «Независимую», демократы — немедленно «Правду», «Советскую Россию» и

«Рабочую трибуну». Так было в том, 91-м. Повторилось это же и в октябре 93-го. Вдумайтесь в короткую справку: «Правду» закрывали шесть раз при царе и три — при демократах. Плюрализм в действии! Хитрая система поддержки средств массовой информации позволяет четко управлять их направленностью. Желаете быть верноподданнейшей проправительственной газетой — получай деньги «на прокорм», не соглашаешься — погибай. Вот так просто и вполне «демократически».

Как здесь не вспомнить 89 год, когда на наше Правительство обрушился шквал критики и решений ЦК по обеспечению прессы газетной бумагой. Что бы нам в то время увеличить цены на бумагу, а потом денежными подачками воспитывать у органов информации чувство уважения к дающему?! Мы же стремились обеспечить одинаковые стартовые условия для всех. Хотели погасить пожар и обеспечить материальными ресурсами информационный бум. Покупали бумагу в Финляндии для газет — чтобы нас же в них «плюралистично» избивали. Сейчас у этих газет тираж упал в десятки раз. У них отобрали и Дом прессы, а они только слегка повизгивали. Жаловаться ведь некому, да и опасно...

Или безудержное расширение бюрократического, чиновничьего аппарата. А ведь нынешних чиновников народу содержать потруднее прежних. Во-первых, они расплозились, как злокачественная опухоль в больном организме страны: в России их стало в три раза больше, чем было во всем Союзе. Да это видно и по их «среде обитания»: теперь они и в Кремле, и на Старой площади, и в Белом доме, и в здании СЭВ, и в бывших Госплане и Госстрое...

Надо полагать, наступит время, когда предадут огласке, во что обошлись переделка зданий, дорогостоящая мебель, мощные ограды от собственного народа. Пока же «храбрая» пресса молчит — ведь можно лишиться «вспомоществования».

Во-вторых, у нынешних аппетиты просто непомерные. По всей стране в коридорах «супердемократической» власти царят откровенное вымогательство, взяточничество, коррупция — куда там коммунистам! Раньше-то хотя б парткомов боялись, да и собственной совести тоже. А разве плохо, когда у человека есть сдерживающие моральные нормы? Нынешним же все дозволено, да и собственных «тормозов» никаких нет...

И, наконец, они, не церемонясь, без всякого угрызения совести, поскольку ее у них, очевидно, и не было отроду,

циничной, наглой, тотальной ложью оболванивают триста миллионов жителей бывшего СССР, немалая часть которых поначалу поверила с детской наивностью, что стоит запретить Коммунистическую партию — и жизнь пойдет по-другому: лучше, чище, честнее, гуманнее, справедливее и к тому же, конечно, богаче...

И впрямь на наивных людей это рассчитано. Ибо какой же мало-мальски умный не понимает, что власть во всех эшелонах захвачена теперь как раз теми, кто вчера называл себя правоверными большевиками и боролся с антипартийными явлениями, мешающими строить светлое завтра. Но всегда найдутся те, которые представляют их миру (да они и сами не стесняются говорить о себе так) великими и гуманными реформаторами. «Без лести преданные» появляются не только в Бетховенском зале.

У меня в семье не было коммунистов. Отец работал в шахте, мать воспитывала меня и брата, они о членстве в партии не думали. Брат тоже не вступил. А я вступил. В 50-м пришел на Уралмаш после техникума, стал работать сменным мастером в сборочно-сварочном цехе, потом дорос до начальника участка. Тоже о вступлении в КПСС не помышлял. Не потому, что не верил или считал, как принято было говорить, себя недостойным. Просто существовали мы — партия и я — в каких-то разных плоскостях и не пересекались. Она была сама по себе, я — сам по себе. В 56-м состоялся XX съезд, и я впервые душой услышал партию. И голос ее прозвучал так громко, так честно, с такой болью и откровенностью, что я не счел для себя возможным оставаться по-прежнему сам по себе. В декабре 56-го меня приняли в КПСС.

Разные были люди в большой партийной организации Уралмаша. Я постепенно, пока дорос до директорских погон, узнал многих. Были карьеристы, которые старались воспользоваться причастностью к партии, чтобы решить свои проблемы, удовлетворить свои личные амбиции. Но костяком организации оставались, как принято говорить на производстве, работяги. Не обязательно рабочие — работягами и инженеры бывают, и начальники.

Старики в большинстве своем вступали в партию на фронте и на заводе в годы войны, достаточно велик был и «призыв XX съезда». Ни в какие верхи, ни в какие президиумы эти люди не рвались, никто не платил им больше, чем беспартийным, никто не оделял их квартирами и машинами, да и ордена с медалями на Уралмаше вешались

на грудь отнюдь не по партийному признаку. Просто все они, все мы работали не за страх, а за совесть.

Я счастлив и благодарен судьбе, что так часто в жизни сводила она меня именно с теми, кого некогда называли «винтиками». Слово по существу уничижительное. Но убери винтик — и машина встанет. И держава рухнет. А она стояла благодаря таким «винтикам». Стояла, несмотря ни на что! Держалась потому, что в основе ее, несмотря на всевозможные перекосы, лежала объединяющая народ идея. Она выражала высокий нравственный идеал, по которому сверялись мысли и поступки людей и вокруг которого они и объединились.

Как можно забыть, что в Великой Отечественной войне именно партия была цементирующей силой на фронте и в тылу. Разве знаменитые слова «Коммунисты, вперед!» были для плаката? Без партии мы не поднялись бы из послевоенной разрухи, не создали бы мощную индустриальную державу, не сделали бы народ образованным. Именно она создала вторую сверхдержаву планеты. Об этом хулители партии предпочитают не помнить.

Никогда я не сомневался в простой истине: идея сама по себе не может быть виноватой, если, конечно, она не посягает на основы общечеловеческой морали. Идею возвышают или опускают исполнители. Люди. Гении или бездарности. Благодетели или преступники. Смотря кто ее понесет. Иначе ведь и христианство можно обвинить в страшных преступлениях инквизиции... Впрочем, об этом чуть подробнее — в следующей главе.

Я не отказался от идеи строительства общества социальной справедливости, не сдал партийный билет, когда началось массовое бегство из КПСС, не порвал его, не произносил покаянные речи для своего самосохранения. Я не отказывался и не отказываюсь от своего прошлого, от собственных убеждений в угоду тем или иным политическим соображениям.

...В 1989 году политическая обстановка в стране резко изменилась. В начале лета состоялся Первый съезд народных депутатов СССР, образованный в соответствии с измененной Конституцией. В разгоряченной атмосфере съезда в адрес КПСС было высказано много претензий, тяжелых обвинений и призывов к возмездию. В выступлениях чувствовалась и гражданская, политическая незрелость ораторов, и их надежда помочь стране, освободив ее от «гнета КПСС». Несли они в себе и справедливую критику, обнажающую

реальные проблемы деятельности партии в обществе. Но были и вполне сознательные, хорошо срежиссированные акции по дискредитации партии, которая в результате исторического развития стала мощной политической организацией, глубоко интегрированной в государственные структуры. Именно поэтому было крайне опасно разрушать авторитет партии в интересах деструктивных сил. Но тот, кто дирижировал всем этим, знал, что для смены власти и общественного строя необходимо было подрубить этот партийно-государственный стержень, на котором держалась страна.

Были и объективные причины явно разрастающегося политического кризиса. После XIX партконференции и прихода к государственной власти новой структуры в виде Съезда народных депутатов и постоянно действующего Верховного Совета СССР партия должна была немедленно перестроиться, кардинально реформироваться. Необходимо было опережающими темпами готовить ее к работе в новых условиях — организационных, теоретических, идеологических...

Все эти субъективные и объективные факторы вызвали тревогу многих партийных организаций, от них поступали предложения о немедленном созыве Пленума ЦК, на котором надо было рассмотреть вопросы о характере деятельности партии в новых условиях, об изменениях в ней самой. Было уже очевидно, что если не выработать новую стратегическую линию деятельности партии, то вся перестройка может обернуться для народа небывалой бедой.

Вместо Пленума состоялось — 18 июля 89 года — совещание в ЦК КПСС первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии. Обеспокоенный складывающейся ситуацией в партии и стране, я решил выступить на нем. Комментарий моего выступления наиболее объективно дал бывший работник аппарата ЦК Валерий Михайлович Легостаев в своей книге. Позволю себе взять из нее не очень большую выдержку:

«Два события на этом совещании привлекли внимание всей партии, вызвали обширные комментарии в партийной среде. Первое — выступление Н. И. Рыжкова, члена Политбюро ЦК, Председателя Совета Министров СССР. Оно было воспринято как наиболее смелое, принципиальное, наиболее партийное из всех, звучавших на совещании. В нем содержался точный анализ нарастания негативных явлений в КПСС, откровенно говорилось о том, к чему это может

привести все общество. Косвенным, но достаточно ясным образом ответственность за подобное состояние партии возлагалась, наряду с Политбюро и уже не существовавшим тогда Секретариатом, и на Генерального секретаря: «Особо хотел сказать, что мы должны всячески содействовать, чтобы Генеральный секретарь ЦК М. С. Горбачев больше внимания уделял своим партийным обязанностям». В общем, Генсеку предлагалось заняться партией, доверив хозяйственные дела правительству.

Заканчивая свое выступление, Н. И. Рыжков сказал: «Дело еще не дошло до того, чтобы правомерным стал лозунг: «Партия в опасности». Но, глядя правде в глаза, мы должны ясно видеть: такая возможность существует...» Слова эти, несмотря на смягчающую оговорку «дело еще не дошло», звучали из уст главы Правительства как очень серьезное предостережение».

Многочисленные отклики на это выступление, да и автор цитируемой книги делают вполне прозрачный намек, что на этом совещании появился новый Рыжков. Не забуду, что, когда я еще не сошел с трибуны, один из членов ЦК вскочил со своего места и закричал: «Почему товарищ Рыжков не говорит об экономике?» Я вынужден был ему ответить, что я часто с этой трибуны действительно говорю о проблемах народного хозяйства, но сейчас наступил тот момент в нашей жизни, когда надо говорить о партии. И я как член Политбюро сделал это.

Я понимал, что политическая обстановка требовала от меня активнее, настойчивее включиться в чисто партийную работу во имя самой партии, а в конце концов — и во имя страны. Но этим выступлением я не преследовал цель обеспечить себе путь для такой деятельности, хотя потом мне многие намекали на то, чтобы я возглавил партию. Но экономист во мне взял верх. Возможно, это было моей ошибкой! Ведь, сохранив партию, можно было сохранить и Союз. Боль и тревога и за партию, и за страну наполняли меня в тот момент. Да и сейчас они — боль и тревога — не утихают.

Это выступление мне тоже не простили, но громкого, как с Ельциным, спектакля устраивать не стали: время другое пришло.

Я только что написал, что партия своевременно не перестраивалась, не готовилась работать в новых условиях, когда многопартийность уже стала реальностью. Возникают вопросы: почему? Кто в этом виноват? Отвечу ссылкой на

одну из известных газет, в которой появилось пространное интервью «деда эпохи» (так в тексте) А. Н. Яковлева. Он достаточно четко сформулировал стратегию разрушителей партии и Союза ССР: «Сначала тоталитарный режим надо было сломать через тоталитарную партию, другого пути не было... Потому что, только используя ее тоталитарный характер, выражавшийся как в организованности, так и в дисциплине и послушании, можно было сломать тоталитарный режим...» Полагаю, что именно этим и можно объяснить нежелание Горбачева, Яковлева и их единомышленников реформировать партию в условиях шквального изменения политической обстановки в стране, чтобы использовать ее как орудие изменения общественно-политического строя в СССР.

В начале июля 90 года открылся XXVIII съезд КПСС. Это был последний Съезд партии. Ожидалось, что он пройдет сложно и непредсказуемо. Буквально за несколько дней до этого была образована Российская компартия. Она родилась по инициативе снизу и отражала растущие тенденции суверенизации России, что и произошло по государственной линии практически одновременно. После долгого сопротивления и маневрирования «верхов» республиканская компартия была создана, но эту обстановку ни в КПСС, ни в обществе изменить уже не могло.

В последний предсъездовский год в партии практически произошел раскол. Такой же раскол произошел и в Политбюро. Прошли времена, когда в этом высшем органе партии в жарких дискуссиях находили компромиссные решения. Сейчас же ПБ состояло из нескольких групп, и они были непримиримы. С одной стороны — Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Медведев, с другой — Рыжков, Лигачев, Воронников, Слюньков, Зайков. Было, конечно, и «болото». К сожалению, и среди наших соратников не всегда было единство. Разногласия по отдельным, иногда даже частным, вопросам отражались на взаимоотношениях и вредили общему делу. К тому же Политбюро с начала 90 года практически прекратило свою деятельность.

В предсъездовский период у высшего руководства партии не было серьезных проработок ее стратегии. Рассматривались спонтанно частные вопросы, отдельные проблемы. Видно было, что оно не в состоянии выработать ее четкую позицию в сложной политической обстановке. Слишком глубокими внутри него были разногласия, нередко — противоположными взгляды на происходящее. Остановилось только на двух моментах периода подготовки к Съезду.

Еще на XIX партконференции остро стоял вопрос о совмещении постов Генсека и главы государства. Я в то время был за это совмещение, так как считал, что партия должна быть авангардом реформ, что для этого у нее есть все. Но к 90 году обстановка резко изменилась, да и мы окончательно сделали вывод, что Горбачев мало занимается партией и использует ее главным образом для своих личных целей, прежде всего для получения еще большей государственной власти.

Среди руководителей партии возникла идея предложить Горбачеву пост ее председателя с определенными ограниченными полномочиями, а руководство КПСС передать новому Генсеку. Сначала Горбачев согласился с этим. Но через несколько дней в категорической форме сказал мне, что не желает быть номинальным руководителем партии и не согласен с этим предложением. Кто над ним поработал в эти дни, мне до сих пор не известно. Я полагаю, его советники, а точнее, советчики опасались, что при другом руководителе КПСС найдет себя в новой политической обстановке, реформируется и обретет второе дыхание. Вот это и не входило в их планы. Выход для себя они нашли в создании поста заместителя Генерального секретаря.

Далее. За несколько дней до XXVIII съезда было созвано Политбюро. Заседание проходило в Ново-Огарево. Там Горбачев готовил свой доклад Съезду. Никто из моих соратников не принимал участия в его подготовке. Не было и традиционного тщательного обсуждения на ПБ предстоящего доклада.

В процессе обсуждения некоторых съездовских проблем встал вопрос о будущем составе новых Политбюро и Секретариата. Кто-то из присутствующих к тем кандидатурам, которые были уже названы, внес предложение ввести в состав ПБ меня и Лукьянова. Мы с ним понимали, что в сложившейся обстановке это принесет лишь вред партии. Президент страны — Генсек КПСС, Предсовмина и Председатель Верховного Совета — члены ПБ. Это даст противникам КПСС повод активизировать ее травлю, обвинить в монополизме и сосредоточении высших государственных постов в руках одной партии. Мне и Анатолию Ивановичу пришлось долго убеждать присутствующих в нецелесообразности подобного шага. А членами ЦК мы считали необходимым остаться, если нас изберут на Съезде.

Теперь о нем, о Съезде. Прошло пять лет между двумя съездами партии. Для нее и для страны это были годы

взлета и падений, надежд и разочарований. Кризис охватил и партию, и страну. Конечно, он созрел уже давно, но Горбачев придал ему, прямо можно сказать, мощное ускорение. Вот в этом отношении оно ему, к сожалению, удалось.

Советская научная мысль хорошо изучила кризисы капитализма, но сколько-нибудь серьезных научных трудов о возможности кризиса в социалистическом обществе не существовало. Критика частностей подменяла глубокие исследования и выводы. Да их и быть не могло, поскольку коммунистическая идеология в принципе не признавала возможности кризиса нашего общества (как западная идеология не признавала достоинств его).

За последние годы возникло глубокое отчуждение между ЦК, его Политбюро и Генсеком — с одной стороны, и партийными организациями на местах — с другой. С каждым месяцем оно разрасталось. За полтора года до XXVIII съезда партия уменьшилась на миллион человек и насчитывала в своих рядах примерно 18 миллионов. Активно «пошел процесс» внутрипартийного брожения и размежевания в рядах КПСС по идейно-политическим и национальным мотивам. Слово «раскол» наполнилось реальным содержанием. Волна антикоммунизма, все выше поднимаемая так называемыми демократами, не встречала на своем пути никакого сопротивления. Наступило время, как говорили остряки, когда советский народ под руководством КПСС стал бороться против КПСС. И если в первой части этой формулы — народ — содержалось немалое преувеличение, то вторая, увы, была близка к истине: партию разрушали самые активные ее члены, пользовавшиеся слепотой, бездеятельностью, а то и попустительством и поддержкой ее высших руководителей. Миллионы покинули партию, когда пример подали их идеологические вожди. КПСС пала в результате беспрецедентного в истории человечества предательства.

О Съезде написано немало, и поэтому мне нет необходимости его подробно анализировать. На нем столкнулись в основном две силы. Одна, уже четко осознавшая, что перестройка предана и что она пошла по совершенно иному, по сравнению с провозглашенным, пути. Эти люди считали, что надо остановить разрушительные процессы. Их тут же окрестили «консерваторами». Вторая сила — «реформаторы», которые теперь уже не скрывали своей основной цели — разрушения КПСС и изменения общественного строя в стране.

На Съезде покинул не только ЦК, но и партию Ельцин. В ответ на выдвижение его кандидатуры в состав нового ЦК он сделал заявление о своем выходе из КПСС и ушел со Съезда. Это была подготовленная заранее его вдохновителями и дирижерами броская политическая акция, стимулирующая раскол партии и бегство из нее.

Для меня такой ход событий не был неожиданным. Я знал, что это произойдет, дело было лишь в выборе времени и места. Не могла эта публика не воспользоваться ситуацией для нанесения удара по ослабленной партии, в которой в то время она еще состояла. Позволю себе сделать здесь достаточно большое отступление. Возможно, оно поможет читателю прийти к некоторым выводам.

В предыдущей главе я писал о том, что в докладе Генсека на июньском 85 года совещании по научно-техническому прогрессу было недвусмысленно сказано о лидерах московской и ленинградской партийных организаций. Было ясно, что здесь намечаются кадровые перемены, и в коридорах ЦК говорили об этом почти открыто.

Настойчиво муссировались слухи, что только случайность не позволила Г. В. Романову стать Генсеком. На мой взгляд, это были хорошо инсценированные домыслы. Позже они были использованы для демонстрации, о чем я уже говорил, «трудной борьбы» за власть. Но в то время по поведению Романова подобные выводы нельзя было сделать. Думаю, он реально оценивал свои возможности. Ну, а вскоре, в июле 85 года, на Пленуме он был освобожден от обязанностей Секретаря ЦК и члена ПБ и отправлен на пенсию. Лидер Ленинграда Л. Н. Зайков на этом же Пленуме стал Секретарем ЦК с тем же кругом обязанностей — курирование ВПК.

О В. В. Гришине, лидере столичной партийной организации, тоже было достаточно много разговоров, как о претенденте на высший партийный пост. Надо полагать, что фраза Лигачева на XIX партконференции об «абсолютно других решениях» касалась и Гришина, который являлся одной из ведущих фигур брежневского «ядра». Прошло немного времени, и в декабре того же года он тоже был отправлен на пенсию, а его пост занял Ельцин, до этого недолго проработавший в должности заведующего Отделом строительства, а затем ставший Секретарем ЦК.

Как ни парадоксально, но первую скрипку здесь сыграл Лигачев. Именно он настоял на переходе в Москву своего будущего злейшего и непримиримого врага. Став Секрета-

рем ЦК и занимаясь партийными кадрами, Лигачев посетил Свердловск. Ему очень понравился энергичный секретарь обкома КПСС, и по приезду он настойчиво, со свойственной ему напористостью начал убеждать, что именно такой тип руководителей необходим для перестройки. Безусловно, он убедил в первую очередь Черненко и Горбачева. Со мной, да и с другими секретарями ЦК, по этому поводу никто не советовался. Я часто задаю себе вопрос, почему так произошло? Почему именно Егор Кузьмич стал инициатором перевода Ельцина в Москву и сумел вывести его на всесоюзную орбиту? Думаю, потому, что в их характерах много общих черт. И, как одноименные заряды, они обязаны были рано или поздно оттолкнуться друг от друга. Так оно и произошло.

После любых общественных потрясений и государственных катаклизмов мы часто спрашиваем себя и других, а что было бы, если бы... Была бы революция 17-го, если бы не было Ленина? Пошла бы страна по пути Сталина, если бы жил Ленин? Был бы период так называемого застоя, если бы Брежнев ушел в 75-м, и была бы перестройка, о которой сейчас идет речь, если бы не Горбачев встал во главе партии? Что было бы с Советским Союзом, если бы Ельцин остался на Урале? О роли личности в истории написано немало теоретических трудов, начиная с древних философов. Об этом писали и основатели марксизма, народники, великое множество известных и неизвестных авторов. По-моему, последние полтора-два десятка лет нашей истории дали более чем выразительный материал для анализа и новых выводов философам и социологам...

Но возвратимся в 85 год. Как-то поздним вечером раздался звонок прямого телефона Генсека (я еще работал в ЦК). Он попросил срочно зайти к нему, и через несколько минут я был уже у него. По кабинету ходили, что-то обсуждая, Горбачев и Лигачев. По первым же фразам я понял, что речь идет о смене Гришина.

— Ты ведь знаешь, что настало время укрепить руководство столицы. Мы с Егором сейчас обсуждаем возможную кандидатуру на пост первого секретаря Московского городского комитета. Хотели бы посоветоваться с тобой, — начал Горбачев.

— Я надеюсь, что у вас есть уже предложения?

— Да. Нам нужен туда крепкий и боевой товарищ. Наше мнение с Егором Кузьмичем, что это должен быть Ельцин. Ты его знаешь, твое мнение?

Откровенно говоря, до того я не очень задумывался над этим кадровым вопросом — у меня своих, экономических забот хватало. Но на такое предложение я не мог прореагировать положительно. Оно было для меня не только совершенно неожиданным, но и непонятным, удивило и поразило меня.

— Да, я знаю Бориса Николаевича и считаю, что он абсолютно не годится для этой роли. Не забудьте что речь идет об огромной столичной организации где сосредоточена масса заводских рабочих и основная научная и творческая элита страны. Здесь должен быть умный, гибкий, интеллигентный руководитель. Ельцин же человек другого склада: хотя он и строитель, но по своей натуре — разрушитель. Наломает дров, вот увидите! Ему противопоказана большая власть. Вы сделали уже одну ошибку, переведя его из Свердловска в Москву, в ЦК, не делайте еще одну, роковую.

Мои доводы не были восприняты. Решение ими было уже принято. И мне оставалось только сказать:

— Я вас не убедил, и вы пожалеете об этом. Когда-то будете локти кусать, но будет уже поздно!

Так и разошлись. Каждая сторона при своем мнении. Я ни разу нигде не писал об этой беседе. Но несколько месяцев назад Горбачев, надо отдать ему должное, сказал по телевидению, что единственным человеком, который нас предупреждал и возражал против назначения Ельцина в МГК, был Рыжков. Но мы его не послушали.

Такова еще одна информация для размышлений о роли личности (и случая) в истории.

...Но вернемся к XXVIII съезду. Как известно, на нем практически был узаконен принцип федерализации партии, поскольку был разрушен ее основной стержень — демократический централизм. Однажды утром, перед началом очередного заседания, Горбачев проинформировал членов президиума Съезда, что первые секретари ЦК компартий союзных республик настояли на создании Политбюро по новому принципу: теперь в ПБ должна быть представлена каждая республика в лице первых секретарей их компартий. Это был еще один сильный импульс к быстро развивающемуся сепаратизму республик.

Новая организация высшего органа партийной власти вполне удовлетворила Горбачева, сохранив его положение в стране и партии. Но такое решение оказалось смертельным. Произошло фактическое расчленение партии по национально-территориальному принципу. Она превращалась

из единой союзной политической организации в некую партийную федерацию или даже конфедерацию. Был нарушен ленинский принцип сочетания федеративного устройства государства и демократического централизма в партии. Стержень государства в виде единой партии был рассечен на 15 кусков. Так шаг за шагом сдавались позиции, и состоявшееся затем расчленение Союза подтвердило самые худшие опасения.

Последний Съезд КПСС не выполнил своей объединительной роли. Напротив, раскол партии на нем проявился еще более четко, чем до его проведения. На мой взгляд, это был Съезд полуразрушенной своими лидерами некогда великой и мощной партии. До гибели КПСС оставался еще год.

Впереди были апрельские и июльские (1991 года) Пленумы ЦК. Было заявление Президента — Генсека о своей отставке. Бегали его приверженцы по залу и собирали подписи с просьбой не делать этого «рокового» для партии шага. Это письмо-слезницу я не подписал.

С апреля 91 года партия практически осталась без лидера. Более того, ее Генеральный секретарь боролся со своей партией и ее ЦК. Началось массовое бегство из нее. Одни публично каялись. Другие (Яковлев, Шеварднадзе и К^о) объявили «крестовый поход» против КПСС. Третьи перед экраном телевидения демонстративно сжигали в пепельнице свои партийные билеты.

Наступала страшная для страны и партии осень 1991 года. Приближалось 6 ноября, когда люди получили от своего избранника предоктябрьское «поздравление»...